

Симпозиум «Свобода слова, развитие, демократия и диалог»

Париж, ЮНЕСКО, 29 октября

Galina Sidorova

Editor-in-Chief,

Sovershenno Secretno monthly

Ladies and Gentlemen,

Dear colleagues,

Madames, messieurs, Chers collegues,

Дамы и господа, коллеги,

Уважаемый Председатель!

Хоть я, похоже, единственная русская в этом зале, я буду говорить по-русски. Не только, чтобы дать работу переводчикам ЮНЕСКО. Но, прежде всего, чтобы было понятно: представители независимой российской прессы все-таки говорят на родном языке, а не на иностранном, как это пытаются представить наши оппоненты в самой России.

Для меня большая честь находиться здесь, среди стольких выдающихся граждан нашего большого и одновременно маленького мира.

Прежде всего, хочу выразить признательность руководству ЮНЕСКО, лично Н.Е. Koichro Matsuura и его коллегам за организацию этого симпозиума. За самоотверженность и упорство в отстаивания права журналистов писать и говорить то, что мы думаем, во что верим. Когда я утром смотрела на потрясающие по своей силе фотографии, подготовленные агентством Рейтер для выставки, посвященной погибшим коллегам, на списки имен, с каждым годом все более длинные, признаюсь, закралась мысль о безнадежности нашего дела. Но, послушав выступления May Chidiak, Lydia Cacho, Joe Thloloe, Amira Hass, нашедших в себе мужество, после всего, что с ними произошло, вернуться к профессии, появилась надежда, что живы еще вечные ценности, которые сильнее пуль, угроз и

пыткок. И нам остается только поддерживать друг друга и продолжать делать свое дело.

У меня две новости из России. Плохая и хорошая.

В недавно опубликованном ежегодном рейтинге свободы прессы в мире, который проводит международная организация «Репортеры без границ», моя страна занимает 141-е место из 173 государств, участников рейтинга. Это плохая новость. Но есть и – хорошая. В прошлом году Россия была на 144-м месте.

Одна моя французская коллега спросила меня в письме: кто сегодня говорит в России? Имелось в виду, кто имеет возможность свободно выражать свою точку зрения, к примеру, на российском национальном телевидении. Я ответила: есть такой человек. Даже два. И вы их знаете. Это президент Медведев и премьер-министр Путин. Так что, возможно, именно тот факт, что в прошлом году в России был один такой человек, а теперь их стало двое, и способствовало нашему продвижению в рейтинге.

Кому-то покажется, что я сгущаю краски. Но, к сожалению, возможность высказывать альтернативную точку зрения в моей стране за последние несколько лет только сжимается. Мне могут возразить - у вас выходит огромное количество разного рода изданий, и большинство из них - негосударственные. Это правда. Российский медийный рынок весьма пестрый и насыщенный.

Но, во-первых, многие издания принадлежат крупным бизнесменам, олигархам, которые уже давно так крепко сдружились с властью, что обслуживают исключительно ее интересы как собственные.

Во-вторых, на рынке СМИ многократно увеличилось количество так называемой желтой прессы.

А, в-третьих, возможности серьезных независимых изданий, доля которых в последние годы резко сокращается, по охвату аудитории, не сопоставимы с теми, что имеет телевидение.

Я как раз представляю одно из немногих оставшихся в России независимых, общественно-политических изданий - газету «Совершенно секретно», входящую в один из немногих не поделенных между олигархами и властью медиа-холдингов. Помимо газеты, холдинг «Совершенно секретно» включает телекомпанию, производящую документальные фильмы, кабельный телевизионный канал, а также одноименное издательство. Ежемесячник «Совершенно секретно» - первая в России газета, специализирующаяся на журналистских расследованиях. Мы делаем это последние 20 лет. Газета выходит на русском языке тиражом 650 тысяч экземпляров и распространяется в России, в Украине и других государствах бывшего СССР, в странах Балтии, в США и некоторых европейских государствах, где есть русскоязычная диаспора.

Почему мы еще живы? Резонный вопрос.

Одна из причин в том, что российское руководство в первую очередь монополизировало телевидение, общенациональные каналы. Именно оно воспринимается как основное средство влияния на умы сограждан. А до нас либо руки не доходят, либо нам отводится роль издания, о которых самодостаточные российские руководители могли бы сказать зарубежным коллегам: как это у нас нет оппозиционной прессы – посмотрите, как критикует премьера или президента «Совершенно секретно»!

Но это, конечно, слабое утешение.

Россия продолжает лидировать по числу погибших при исполнении своих обязанностей журналистов среди стран, на чьей территории не ведется боевых действий, а также по количеству нераскрытых убийств моих коллег. Как раз накануне приезда сюда я участвовала в ежегодной, уже восьмой по счету, церемонии награждения лучших российских журналистов-расследователей премией Артема Боровика. Артем Боровик, талантливый журналист, создатель холдинга «Совершенно секретно», трагически погиб в 2000 году в авиакатастрофе при, так до конца и не выясненных, обстоятельствах. Его жена, Вероника Боровик, продолжила его дело,

возглавив компанию. Семья и коллеги Артема учредили фонд его имени, который проводит национальный конкурс на лучшее журналистское расследование. Каждый раз во время церемонии мы вспоминаем погибших и ушедших из жизни коллег. В этом списке и те фамилии, которые вам известны - Анна Политковская, Юрий Щекочихин, и те, о ком за пределами России мало кто слышал – это журналисты из российских регионов. С 2007 года мартиролог пополнили еще 11 фамилий.

Погибшие журналисты торопились честно исполнить свой профессиональный долг. Власти наказывать их убийц не торопятся.

И я хочу подчеркнуть, что для нас в России очень важно ощущать моральную поддержку и понимание со стороны таких организаций как ЮНЕСКО, Международный институт прессы, «Репортеры без границ».

Нова опасность, о которой сегодня упоминалось, попытка заинтересованных лиц представить критику тех или иных политических действий как проявление со стороны журналиста экстремизма или терроризма.

Недавно мы обсуждали проблему незащищенности и уязвимости журналистов на последнем конгрессе Международного института прессы (International Press Institute), в правление которого я вхожу. ИПИ объединяет главных редакторов, ведущих журналистов и представителей медийного бизнеса из 120 стран. Так вот: открою вам маленький секрет – все-таки газета моя называется «Совершенно секретно» (Top Secret) – в октябре будущего года ИПИ планирует собрать в Вене конференцию «Терроризм, медиа и закон». Если кого-то это заинтересует, или появится возможность оказать помощь, можно обращаться на сайт ИПИ или в штаб-квартиру в Вене.

С неудобным изданием в России сегодня расправиться несложно – достаточно задуть экономически – кризис и удорожание таких необходимых вещей как бумага или затраты на производство облегчают властям эту задачу.

И что самое удивительное, в России действует вполне либеральный Закон о СМИ. Кстати напомним, что и Советский Союз в свое время в числе первых голосовал за принятие Декларации прав человека, 60-летию которой и посвящен наш симпозиум.

Итак, либеральный Закон о СМИ в России есть. Но слишком многие чиновники и депутаты Государственной думы не оставляют попыток его подправить. Последнюю по времени попытку инициировал молодой депутат от «Единой России» - партии власти. Он предложил поправку к Закону о СМИ, дающую чиновникам новые возможности для борьбы с неугодными журналистами и издателями.

Автор, по его утверждению, всего лишь хотел «повысить ответственность редакций и собственников СМИ» за публикуемую информацию. На деле реализация поправки означала бы не просто разбирательство в суде, если чиновник сочтет, что опубликованные сведения порочат его честь и достоинство. Она позволяла бы на время следствия приостанавливать деятельность издания не по решению суда, а по решению контролирующего ведомства – в нашем случае Россвязьохранкультура (Министерство печати). «В обеспечение иска». Что значит, «приостановка» применительно к СМИ? За долгие месяцы судебной тяжбы разбегутся рекламодатели, да и сами журналисты. Издание умрет, так сказать, естественной смертью. Поправку пока отложили. Но о каком диалоге между властью и обществом можно говорить в таких условиях?

И еще. Судьба упомянутой поправки дает представление о нравах в коридорах российской власти. Сначала Госдума ее приняла в первом чтении при одном голосе «против». Общественная палата и журналистское сообщество возмутились. И, наконец, президент Медведев, как раз в тот момент сделал ряд заявлений о приверженности демократии. В результате, депутаты от партии власти сначала за поправку проголосовали. А потом на президиуме своей же фракции ее же и отклонили.

Неудивительно, что большинство российских граждан в последние годы разочаровались и в политике, и в политиках. И главная головная боль руководства, не только, чтобы люди проголосовали правильно, но чтобы, вообще, пришли голосовать.

Тема нашего заседания - свобода слова и диалог. На мой взгляд, это принципиально важная постановка вопроса. Именно с отсутствия диалога между властью и обществом, между властью и независимой прессой начинается деградация любого режима. В России сегодня власть не хочет слушать точки зрения, которые ей, по тем или иным причинам не нравятся. Диалог отсутствует.

Маленький пример. Мы в нашей газете много пишем о коррупции. Той самой коррупции, о борьбе с которой так много рассуждает в последнее время президент Медведев. О той самой коррупции, ущерб от которой государству, по признанию главы министерства внутренних дел, Рашида Нургалиева, составляет до 20 миллиардов долларов в год; по его же признанию до 50 процентов криминальных доходов в стране идет на подкуп чиновников. И вот газета «Совершенно секретно» публикует материал, где говорится о 786 тоннах золота, предположительно вывезенных из России не чистыми на руку кремлевскими чиновниками в середине 90х. Их связи шли на самый верх. Было даже открыто несколько уголовных дел, которые по каким-то причинам были закрыты уже при новой власти.

Вы думаете, последовала реакция на эту публикацию, к примеру, Генпрокуратуры? Никакой. Маленький экскурс в историю. В 1996 году появился президентский Указ № 810, обязывающий руководителей ведомств реагировать на публикации в СМИ, связанные с обвинениями в незаконных действиях их подчиненных. Сегодня никто и не вспомнит, как и когда умерло это благое начинание. Отныне Генпрокуратура и другие ведомства результаты журналистских расследований просто игнорируют.

И последнее. Еще одна важная сторона общего кризиса свободы слова, о которой в своем ярком выступлении упомянул Дэвид Шлезингер, - его

моральный, этический аспект. В этой связи на память приходит недавняя история. Конец 80-х. Эпоха перестройки и гласности. Люди жили трудно. Моя страна задыхалась от проблем. Но вы не представляете, сколько людей тогда интересовалось политикой, стремилась участвовать в ней. Это был какой-то фантастический духовный подъем политически активной части общества. Никогда не забуду такую картину: на автобусной остановке стоит человек, прижимая к уху маленький радиоприемник, из которого слышатся звуки трансляции с первого съезда народных депутатов (тогда еще всесоюзного парламента), где впервые в прямом эфире радио и телевидения, чуть ли не круглые сутки, шла дискуссия о проблемах, о будущем страны. Сегодня эти люди телевизор не смотрят.

Наш симпозиум посвящен 60-летию принятия Всеобщей декларации прав человека. И я хочу вспомнить еще одно имя – да не упрекнут меня в излишней пафосности, мне не свойственной. Имя человека, которого считаю выдающимся деятелем прошлого столетия, поплатившегося за свои убеждения, за приверженность защите прав человека и свободы слова. Это Мартин Лютер Кинг. И вслед за ним, хотела бы сказать:

У меня есть мечта. Мечта журналиста, гражданина своей страны, мамы двоих маленьких детей. Мечта, чтобы люди научились слушать и слышать друг друга. Политики разных стран. Политики внутри одной страны. Политики и их сограждане. Без уважения к чужому мнению, к достоинству другого человека, без дискуссии и состязания мнений невозможно построить ни стабильное государство, ни процветающее общество.

Спасибо.